

К 60-летию Башкирского ордена Трудового Красного Знамени академического театра драмы им. М. Гафури

ДОСТОИНСТВО ЖЕНСКОЙ ДУШИ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЗАСЛУЖЕННОЙ АРТИСТКИ РСФСР

ГЮЛЛИ МУБАРЯКОВОЙ

Отец, большой и необычайно подвижный, заполняет собой всю комнату. Он мавр, он болен смертельной ревностью. А белая, хрупкая женщина трепетной мимозой светится перед ним в мягком полумраке и старается доказать свою невиновность. Но, ослепленный глухим подзвучиванием, Отец не верит ни единому ее слову...

В комнате есть еще один человек — девочка по имени Гюлли, которая жмется в уголке и, хоть знает, что отец и мать просто репетируют очередную роль, испытывает странную робость и страх — настолько правдоподобно звучат голоса родителей.

— Думаю, моя артистическая судьба была предопределена еще с детства, — говорит заслуженная артистка РСФСР Гюлли Мубарякова. — Насколько помню себя, жизнь моя в родительском доме была окутана атмосферой театральной жизни...

Она и поныне ощущает себя продолжателем семейных традиций, отличавшихся истинно высоким служением сценическому искусству. И это тоже помогает Гюлли Арслановне с особой, обостренной ответственностью относиться к своей профессии, к каждой новой роли. Более того, к каждому своему слову и поступку, как делал это ее отец — народный артист СССР Арслан Мубаряков.

Гюлли Мубарякова внесла в башкирское драматическое искусство женственность и бескомпромиссную честность, что и определило ее место в театре. Мубарякову отличает глубоко осмысленный психологический подход

к каждой работе и при этом — неутолимое желание выразить свое понимание образа, ни в коем случае не повторить других.

Характерна в этом смысле роль Шафак в спектакле «В ночь лунного затмения» по одноименной трагедии Мустая Карима. Первой исполнительницей этой роли была народная артистка РСФСР Рагида Ямбулатова. Она представила зрителю мягкую, в какой-то степени слабую, очень душевную женщину. Гюлли Арслановна как бы наследовала у матери эту роль. Но вдохнула в образ Шафак новую жизнь, полную невыразимой боли и одиночества. Отзывчивая и добрая по природе своей, ее героиня принимает близко к сердцу боль и горе всех, кто ее окружает, и старается протянуть им руку помощи. Но сама, зажатая тисками жизни, лишенная рода и племени и потому всем чужая, одинокая, она мало что может сделать. Разве что посочувствовать и молча сострадать. И все это — при ее кипучей внутренней энергии и переполняющей нежности!

Роль Шафак стала одной из любимых в творческой биографии актрисы. Тем более неожиданным было увидеть ее в облике хозяйки рода — Танкабики в фильме «В ночь лунного затмения».

— Я не люблю слова «играть», — говорит Г. Мубарякова. — В нем есть оттенок несерьезности, легковесности. А театр — дело в высшей степени серьезное. Мы — не играем, мы — работаем. В истинном смысле этого слова.

Да, глядя на Гюлли Арслановну в кинофильме «В ночь лунного затмения», никак нельзя сказать, что она играет. Ее Танкабика живет, страдает, верует, гневается и лукавит... А за этим — напряженная работа ума и сердца, желание до конца обнажить мятущуюся душу героини.

— Работа в кино помогла почувствовать и возможности экрана, и возможности собственного творческого арсенала...

Кинематографиче с к а я Танкабика Гюлли Мубаряковой в какой-то мере сродни ее сценической Шафак — та же внутренняя трагедия, духовная зависимость от окружающей среды, которую не может пересилить даже властная и волевая натура этой женщины. И еще что-то очень личностное, глубоко женское бьется и светится в этом образе, делая его индивидуальностью.

Вспоминаю одну из первых значительных ролей Мубаряковой — рабыни Альмыры в трагедии «Магомет». Она отличается предельной обнаженностью чувств, их раскаленностью и чистотой.

То робкая, то ослепительная улыбка на лице девушки сменялась вдруг потоками слез, чтобы тут же осветиться изнутри светом внезапной задумчивости...

Нельзя сказать, что с годами чувства актрисы ослабли или сильно трансформировались. Нет, ее женские образы всегда волновали и волнуют нас неуждым проявлением внутренней силы и напряжения. Но этот мир стал сложнее и противоречивее, он не всегда подвержен осмыслению и логическому истолкованию. Не таква ли, например, Алимана в спектакле по повести Чингиза Айтматова «Материнское поле», поставленном режиссером Л. Валеевым?

Героиням Г. Мубаряковой свойственно не только переживать внутреннюю драму или трагедию, так или иначе их выражать, но и протестовать, поднимать голос прозрения и гнева, быть готовым на крайний шаг, на подвиг во имя своих идеалов.

Именно таковой предстает перед нами Галия в «Неотосланных письмах» А. Кутуя — Р. Ибрафимова, борющаяся за свое общественное и личное положение. Такова рабыня Зумрат в новой постановке «Нэркэс» и, наконец, Гульназира в спектакле по драме Мустая Карима «Салават». Всего три дня и три ночи проводит она с Салаватом, но ради них жертвует жизнью, ибо считает, что вся человеческая жизнь стоит одного мгновения истинного счастья. Гульназира, не задумываясь, идет на смерть во имя своего счастья и своих идеалов.

И еще одно свойство хочется отметить в образах, созданных Гюлли Мубаряковой. Это — затаенная вера в хорошее и светлое, неугасимая надежда, окрыляющая героиню и пронизывающая их животворным оптимизмом.

Такова и Сибяр-иней в спектакле «Матери ждут сыновей».

— Это моя первая, так сказать, возрастная роль. Нелегко было отважиться взяться за образ семидесятилетней. Но так привлекает и близка была душе эта многотерпеливая и благородная женщина...

Эта работа стала вехой в артистическом творчестве Г. Мубаряковой. И не толь-

ко потому, что она была тепло принята и высоко оценена — за нее артистка удостоена республиканской премии имени Салавата Юлаева. И не потому, что это — «возрастная» роль. А потому, что в ней артистке более чем в какой-либо другой роли удалось воплотить живой и узнаваемый тип женщины, которая, как правило, весьма неприметна в быту, но исполнена большой жизненной теплоты и высокой материнской добропорядочности. Это мать в общечеловеческом смысле, принадлежащая каждому народу, каждой нации. Недаром во время гастролей театра в Казахстане и республиках Средней Азии артистке подходили люди самых разных возрастов и профессий и выражали свое восхищение.

— Вы создали на сцене мою мать, — говорили они. — Как вы могли знать, какая она на самом деле?

А вот что рассказывает сама актриса:

— В разных аулах нашей республики присматривалась я к простым башкирским женщинам, заводила с ними разговоры, стараясь понять сущность их характера. Я наблюдала таких женщин и в городе — на рынке, в других людных местах. А однажды побывала на выставке художника Лутфуллина и была поражена портретами сельских женщин. Они представляли собой идеальное выражение моей героини...

В этих нескольких фразах — весь нелегкий, полный внутреннего напряжения труд драматической актрисы.

— Мне хочется многое сделать. Выйти, например, на сцену в роли Нины Заречной в «Чайке» Чехова. Хочется создать образ Медеи в трагедии Еврипида, Анны Карениной... И еще — хочется исполнить роль своей современницы — обычной женщины, преисполненной простоты и достоинства, хозяйки своей собственной судьбы...

Что ж, заслуженная артистка РСФСР, народная артистка Башкирской АССР Гюлли Мубарякова — хозяйка своей собственной творческой судьбы. Она из тех актрис, на «которую ходят», ибо она щедро дарит радость подлинной жизни, подлинного искусства, в котором испытываем мы постоянную потребность.

Г. ШАФИКОВ.

НА СНИМКЕ: Гюлли Мубарякова в роли Агазии в трагедии Мустая Карима «Не бросай огонь, Прометей!».

Фото Р. КУДОЯРОВА.

